II 1977

6 2 0

ТУ 19-32-73

5

3

студия
ДИАФИЛЬМ

РГДБ
2016
В. КРАПИВИН
ТЕНЬ КАРАВЕЛЛЫ
ХУДОЖНИК Б. ИГНАТЬЕВ

Карта и каравелла появились у нас почти в одно время. Карта на сутки раньше. Однажды, вернувшись из школы, мой сосед Павлик втащил в комнату какие-то тонкие жерди, обмотанные бумагой и марлей.

Пока я хлопал глазами, он гордо поднял жерди, тряхнул их, и я увидел карту полушарий. Впечатление было такое, словно непонятный великанище глянул на меня в синий бинокль.

Время тогда было суровое, шёл третий год войны. Правда, война была далеко, и наши били немцев так, что от них только щепочки летели, но жилось ещё очень трудно. Хлеб продавали по карточкам, одежду—по ордерам, а игрушки, географическая карта и даже просто тетради были почти роскошью. Поэтому я так обрадовался карте.

Накануне этого дня в нашей маленькой школе случилось наводнение. Лопнула от мороза какая-то труба, и всегда пустовавший полуподвальный этаж залило водой.

Дверь туда, конечно, закрыли, но Павлик по сугробам пробрался к разбитому оконцу, которое выходило во двор, и просунул голову и плечи в гулкий сырой полумрак.

Внизу, под самым окном, на чёрной воде покачивались три доски. А три сколоченные доски — это плот! Какой же нормальный человек удержится и не поплывёт по пустому подвалу, таинственному, как пещера капитана Немо!

И Павлик прыгнул на доски. От удара и от тяжести край плота ушёл на глубину. Павлик бросился с края на середину. Плот выпрямился и незаметно отошёл от стены.

Павлик не заревел и не сдался. Заскрипев на пиратский манер зубами, он стянул с себя свитер и рубашку, снял ремень, сделал на нём петлю и со второго раза накинул этот аркан на ручку шкафа.

Потом, подтянув своё судно бортом к шкафу, дрожа от холода, оделся и осторожно дотронулся до дверцы, чтобы оторвать рейку и сделать из неё весло.

Потом заглянул в шкаф. Там плавал старый глобус, а в углу стояли две палки. Павлик и не подумал, что это карта. Просто он решил, что палки удобней, чем рейка. И взял их...

Так попала к нам карта. Мы прогладили её горячим утюгом, заклеили дыры, подровняли края и повесили в нашей «каюте»: это был уютный угол у печки в Пашкиной комнате.

Круглая чёрная печка напоминала основание корабельной мачты. Где-то над крышей завывал ветер, а нам казалось, что это шумят её паруса. Здесь мы мечтали, здесь вместе читали «Остров сокровищ», «80 тысяч лье под водой», «Дети капитана Гранта» и другие чу́дные книги.

На другой день, когда я вернулся из школы, Павлик тут же потащил меня к себе. Там на чёрной клеёнке стола стояла знакомая мне летняя испанка с кисточкой.

Павлик поднял испанку. Поднял осторожно, словно там сидела удивительная бабочка и он не хотел, чтобы она сразу улетела. Она не улетела. Она оказалась белым корабликом.

Были у кораблика круглые борта, высокая узорчатая корма, туго надутые паруса разных размеров и форм. Удивительный это был кораблик. — «Каравелла... Вот она какая», — ласково сказал Павлик.

17

В общем-то, не случилось ничего необычного. Просто Павлик, который давно уже бредил морем, нашёл в одном старом брошенном журнале картинку с корабликом, наклеил её на кусок картона и аккуратно маленькими ножницами вырезал.

Мы пролезли за карту в «каюту». — «Океаны есть, — тихо проговорил Павлик, — моря есть... Можно плавать где хочешь...» — Я молча поставил на ладонь каравеллу и поднёс её к карте.

Тень каравеллы упала на Охотское море. — «Нехорошее место, — сказал Павлик, — японцы, подводные лодки...» — Я кивнул и повёл кораблик к выходу в океан вдоль берегов Камчатки. Так началось Плавание.

Тень каравеллы скользила по морям. Уставала рука, ныли плечо и кисть, но мы боялись хоть что-нибудь изменить. Радости путешествий нужны были шелест карты, потрескивание огня, покачивание ладони, на которой стоит каравелла...

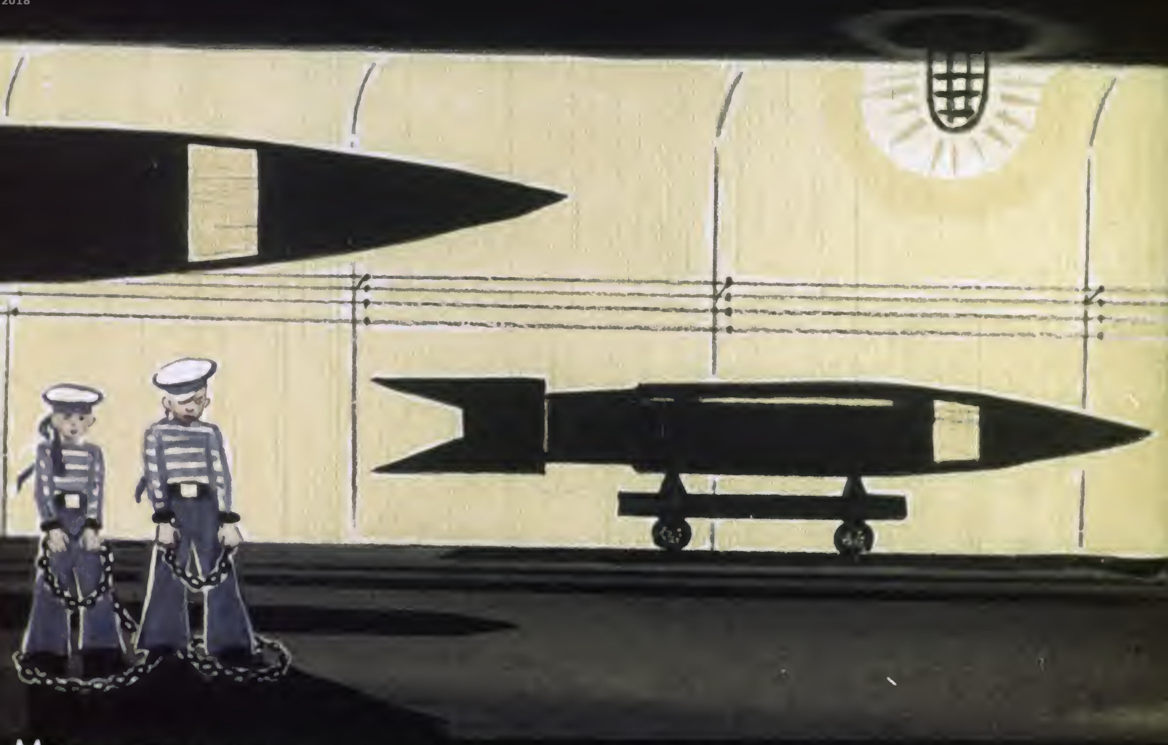
Мы полюбили каравеллу восторженно и крепко. Теперь слова «мыс Горн», «Кейптаун», «Каттегат», «Тасмания» уже не звучали как непонятная музыка.

Мы знали, где эти места, чем хороши и чем опасны. Мы прошли через два океана вслед за Диком Сэндом, повторили тяжёлый путь Лаперуза... Мы оба были капитанами каравеллы и вместе совершали подвиги.

А подвигов было много. ...Однажды весной два моряка с миноносца «Летучий» попали в плен к фашистам.

Моряков заковали в цепи и отправили на гранитный остров у берегов Балтики, где был тайный подземный завод. На заводе выпускались торпеды.

Конечно, два храбрых моряка не собирались работать на немцев. Тёмной ночью они распилили цепи и бросились на аэродром, где стоял двухместный самолёт начальника лагеря.

Моряками были, разумеется, Павлик и я. И это мы вырвались на свободу. Мы хорошо знали море, но хорошими лётчиками не были. Поэтому сильный ветер долго носил самолёт, как бумажную голубку.

А когда кончилось горючее, Павлик посадил самолёт прямо на волны. И пассаты понесли нас по океану, пока не встал из воды заросший пальмами остров.

Там нас захватили в плен туземцы. А когда судьба наша, казалось, была решена и коричневые воины зачиркали брусками по наконечникам стрел и копий, заговорил старый вождь Табу-Ретус:

—О чужеземцы! Речь ваша мелодична и совсем не похожа на карканье тех, кто прилетал сюда раньше на железных птицах с чёрными крестами. Кто же вы?

Мы горячо заверили почтенного вождя, что не имеем ничего общего с теми, кто прилетал сюда раньше, а «железную птицу» мы похитили у своих врагов.

В тот же вечер был большой праздник, и под бой барабанов племя смелых охотников за акулами приняло нас в почётные вожди. А старый Табу-Ретус, прослезившись от волнения, сказал: «Мы были бы счастливы, если бы вы остались с нами. Но вы — воины. Вас зовёт дорога битв и подвигов.

У нас в лагуне давно стоит покинутый корабль. Вы пришли как друзья, и этот корабль — ваш». — И мы увидели каравеллу. Удивительно, как она сохранилась за столько веков!

Мы взялись за ручки штурвального колеса. Оно со скрежетом повернулось: в порядке!

Мы вооружили каравеллу малокалиберной пушкой с самолёта, а потом, когда потопили пару немецких торпедных катеров, поставили ещё несколько пушек и пулемётов.

И началась такая жизнь, что захва́тывало дух! Мы разгромили у берегов Тасмании парусную флотилию кровожадного Джимми Косопуза.

Утопили один за другим двенадцать фашистских катеров-торпедоносцев, сожгли их базу...

А потом пошли в Амазонку охотиться на крокодилов: из крокодильих шкур мы хотели сшить водолазные костюмы и в них пробраться на вражеские корабли.

Но в устье Амазонки нас заперла немецкая подводная лодка «Летучая пиявка». Её командир фюрер-капитан Боббин Гапп, ухмыляясь, заявил: «Если вы сдаться, мы вас отпускать домой. Если нет, мы вас бросим к акула».

Конечно, мы обманули врага и ночью ускользнули в океан. Однако «Пиявка» и её сообщник пиратский клипер «Три кашалота» стали догонять нас. Отстреливаясь, мы подожгли клипер и ушли от субмарины.

40

В другой раз ночью мы подкараулили, когда «Пиявка» всплыла, чтобы набрать воздуха, и влепили ей в рубку два снаряда! И повёл свою посудину Боббин Гапп на базу ремонтироваться...

Пока он ремонтировался, мы освободили узников в том самом лагере, из которого бежали,

побывали в Севастополе, где получили награды от командующего флотом...

...а когда решили навестить старого друга Табу-Ретуса, нас у самого острова опять настигла проклятая «Пиявка». Мы едва успели проскочить в лагуну.

— «Чёртово подводное корыто! Если бы вытянуть его на поверхность», — жаловались мы. Мудрый Табу-Ретус сказал: «О мои братья, эта злая «Пи-явка» всё равно что большая морская черепаха, а мы умеем ловить их. Нужны рыбы-прилипалы».

Про таких рыб мы знали. Это очень ленивые морские твари. Чтобы не плавать самим, они присасываются к кораблям, к китам и даже к акулам и путешествуют вместе с ними.

Итак, пока Боббин Гапп радостно потирал руки, мы ловили рыб-прилипал целыми сотнями и дрессировали их в лагуне, привязав к хвосту каждой рыбы длинный линь из кокосового волокна.

Потом мы смело вышли в море. Конечно, «Пиявка» бросилась на нас. Но тут к ней устремились две тысячи дрессированных прилипал и облепили лодку со всех сторон.

А мы запустили лебёдку и подтянули каравеллу вплотную к «Пиявке». Теперь Боббин Гапп не мог ударить нас торпедами. От взрыва развалилось бы его собственное корыто.

«Пиявка» включила двигатели и долго таскала нас по морю. Потом у неё кончился воздух, и она всплыла. Это было последнее всплытие «Пиявки». От залпа наших пушек она развалилась на две части и пошла ко дну...

Каждый день, едва сгущались сумерки, белые паруса уносили нас в синюю страну бурь и открытий. На парусах танцевали отблески огня. Это были то вспышки пушечных залпов, то отсветы пламени вулканов, то блики таинственных береговых костров...

Два капитана каравеллы совершали подвиги и делили по-братски не только славу, но и скудный паёк военного хлеба.

КОНЕЦ

Сценарий Г. Стерлиговой
Редактор Т. Семибратова
Художественный редактор А. Морозов

Студия «Диафильм» Госкино СССР, 1974 г.
101000, Москва, Центр, Старосадский пер., д. № 7
Цветной 0-30
Д-284-74